

С. С. Илизаров

Превращение иностранных специалистов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в русских ученых

Русская культура и ее неотъемлемая часть — наука всегда развивались в тесной взаимосвязи с окружающим миром, испытывая разнообразные влияния, воспринимая и принимая в себя не только оригинальные идеи, но и их носителей. Вопросы определения этнической принадлежности того или иного деятеля русской науки, который сам либо его ближайшие предки не были уроженцами России, относятся к числу сложных, трудно решаемых проблем, к тому же они отягощены разными мифами и всевозможными спекуляциями.

Обратиться к этой специфической теме подтолкнула разноречивость в определении национальной принадлежности великого русского ученого, просветителя, путешественника и собирателя, академика Герарда Фридриха Миллера, родившегося 18 октября 1705 г. в городе Херфорде (герцогство Вестфалия, Священная Римская империя, ныне Северный Рейн — Вестфалия, Германия), с 5 ноября 1725 г. жившего и работавшего в Российской империи, принявшего в 1747 г. российское подданство, скончавшегося 11 (22) октября 1783 г. в Москве и здесь же похороненного. Сейчас нет необходимости задерживаться на научных заслугах этого ученого и обосновывать непреходящую ценность его первопроходческих исследований в области русской истории, географии, этнографии, картографии, археологии, архивоведения, его научно-организационной и научно-административной деятельности и т. д. Свою жизнь он завершил как руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел в чине

действительного статского советника и кавалера ордена Св. Владимира, учрежденного в 1782 г.¹ Правда, Миллер — особый, хотя и не единственный случай. В России к нему практически всегда было позитивное отношение, и даже в годы наибольшего накала антигерманских настроений никто полностью не решался отрицать его заслуги. Но при этом по-прежнему почти повсеместно в общедоступных справочниках Г. Ф. Миллера называют немецким ученым, изредка русско-немецким, не обращая никакого внимания на то, что он никогда не был немецким ученым, а вся его научная деятельность целиком и полностью проходила в пространстве развития науки в России. Даже характерные именно для него проекты публикации трудов и источников на немецком языке (параллельно с русским), направленные на то, чтобы сделать доступными нерусскоязычному читателю достоверные научные знания о России, были исключительно явлением развития русской культуры.

Заниматься изучением жизни и творчества Г. Ф. Миллера мне довелось давно, и со временем росло и крепло убеждение в возможности и справедливости говорить о нем как о российском/русском ученом. Как-то в обсуждении ситуации с определением его национальной принадлежности мне удалось убедить в своей правоте главного редактора одного уважаемого исторического журнала, но в последний момент от него поступило примирительное предложение: «Хорошо, напишем Миллер — русский историк, но при этом добавим — немецкого происхождения». Я согласился, но при этом отметил, что фраза будет выглядеть так: «Г. Ф. Миллер — русский историк немецкого происхождения, живший во время правления Екатерины II — великой русской императрицы немецкого происхождения». Абсурдность стала очевидна, и консенсус был достигнут. Признать не рожденного в России человека с характерной нерусской/немецкой фамилией «Миллер» как соотечественника в советские времена было трудно, подчас практически невозможно.

Непросто сформулировать, что делало Г. Ф. Миллера или иных иностранных специалистов российскими учеными. Общеизвестно — наука (научное знание) сама по себе национальности не имеет, научное знание национально нейтрально во всех смыслах и оттенках этого понятия. Нет и не может быть науки французской, японской, польской... Национально-этнический, или государственный, или культурно-политический маркер может иметь ученый, актер научно-исследовательской деятельности, и этот момент немаловажен при изучении социальных аспектов истории науки. Иное дело, что об успешности того или иного государства может свидетельствовать среди прочих факторов также культурное и научно-технологическое развитие, количество научных открытий и т. д., и в этом плане метафорически вполне допустимо высказывание — французская наука, японская, китайская...

О причинах, приведших Петра I после десятилетий раздумий к решению о создании в России первого высшего научного учреждения — Академии наук — и наполнении ее состава приглашенными иностранными учеными, су-

шествует большая литература, в которой выделяется обстоятельная монография Ю. Х. Копелевич². Тем, кто более-менее знаком с отечественной историей и существом современной науки, ясны причины, по которым у русского императора при открытии Академии наук не было иного варианта, как искать и звать в нее иностранных специалистов. Русское правительство через своих посланников при дворах иностранных государств, через зарубежных советников (Хр. Вольф, И. Б. Менке и др.) выбирало и приглашало высокого уровня ученых из разных стран — Франции, Англии, Голландии, Швейцарии, Германских государств. Так случилось, что из последних в Санкт-Петербург в 1725–1727 гг. приехало наибольшее количество ученых. По этой причине в обиход вошло представление об учрежденной в России Императорской Академии наук как о якобы немецкой по составу организации, хотя на самом деле она такой не являлась, а была безусловно интернациональной.

В XVIII столетии понятие «национальность» как категория этническая (генетическая) только формировалось, и главнейшая демаркация между «своими» и «чужими» проходила через понятие «подданство»: россияне / русские и все остальные — иностранцы, иноземцы. Последние, как известно, со времен средневековья получали наименования: «фрязи» — выходцы из Южной Европы, «немцы», т. е. иностранцы, приезжавшие в Россию из западноевропейских стран; отсюда Немецкая слобода в Москве, Пскове и даже в Санкт-Петербурге. Таким же образом долгое время почти все восточные (не только мусульманские) аборигенные народы Сибири и других районов именовались «татарами». Внутри Российской империи подданные маркировались по конфессиональной принадлежности, и только в отдельных и довольно редких случаях в документах могло указываться примерно то, что сегодня может очень и очень условно пониматься как национальность. Со времен Петра I различие в вероисповедании не являлось ограничением для того, чтобы быть русским подданным. Существовавшие сословные привилегии и барьеры, так же как и конфессиональные, в рассматриваемом контексте не значимы, поскольку даже жестоко угнетаемые основные массы населения или представители государственно-нежелательных религиозных ориентаций (например, старообрядцы) не отменяли и не могли отменить их российское подданство.

Итак, первое, что формально могло делать человека иностранного происхождения русским — подданство либо по рождению, либо по присяге. Миллер, как уже отмечалось, по этому критерию стал в 1748 г. русским, т. е. подданным российского императора.

Понятно, что те приглашенные, кто по завершении пятилетнего контракта покидали Российскую империю, и неважно, куда они отправлялись — на родину или в иное государство — не могут считаться российскими учеными. Один пример из истории иностранной Академии наук. Французского математика, механика, естествоиспытателя, астронома, физика etc. Пьера Луи Моро де Мопертюи никто не станет причислять к германским/пруским ученым,

хотя он и возглавлял в 1745–1753 гг. Прусскую/Берлинскую академию. Аналогично физик, математик и механик Даниил Бернулли, работавший в Санкт-Петербурге в Императорской Академии наук с 1725 по 1733 г., опубликовавший здесь большую часть своих сочинений и подготовивший главный труд «Гидродинамика» (издан в 1738 г.), является швейцарским ученым.

Второе условие вхождения иностранца (по рождению и происхождению) в число россиян очевидно — это отношение к русскому языку. Что касается Г. Ф. Миллера, то он, будучи лингвистически исключительно одарен, быстро и легко освоил современный ему русский язык и знал его лучше большинства образованных, как тогда говорили, «природных россиян». Его русский безупречен как по фонетике, так и по грамматике. Более того, Миллер освоил, легко читал и как никто понимал документы предшествующих веков русской истории. До нас дошли его высказывания о красоте русских средневековых текстов. Читать, писать и думать Миллер мог как на немецком, так и на русском языках; об этом свидетельствуют его многочисленные сохранившиеся наброски и черновые тексты. Правда, для рассматриваемой эпохи, да и позже характерно, что многие иностранные ученые, работавшие по контракту в России, не знали русского языка и не изучали его, поскольку обязательная для них латынь — универсальное средство общения и коммуникаций — была достаточной для выполнения принятых профессиональных обязательств³. Таким образом, Миллер по критерию языка более, чем кто-либо из современников, был русским человеком. Строго говоря, оценивать русский язык как универсальный критерий национальной идентичности для XVIII в. задача не из простых. Существенная часть подданных Российской империи, как, впрочем, и в иных империях, не знала и не владела русским языком. Это касалось не только податного населения окраинных отдаленных территорий. И у представителей высшего сословия бывали проблемы с родным языком. Предельный случай связан с княгиней Е. Р. Дашковой (Воронцовой), которая изучала русский язык как иностранный и при этом стала инициатором создания в 1783 г. Российской (литературно-языковой) академии.

На адаптацию и последующее вхождение в число россиян могла оказывать определенное влияние дисциплинарная область профессиональной деятельности. Естественные науки и математика в еще большей степени по своей природе — науки космополитические, и для работников этой сферы в принципе допустимо индифферентное отношение к языку и культуре страны проживания. Так, например, математик Леонард Эйлер свободно перемещался: в апреле 1727 г. из Швейцарской республики в Российскую империю, затем, приняв предложение короля Фридриха, в июле 1741 г. занял место в Прусской академии, а с июля 1766 г., по настойчивому приглашению Екатерины II, навсегда вместе со всеми многочисленными домочадцами вернулся в Россию. Иное дело, если объект научного изучения был связан с конкретной культурно-национальной средой — история, этнография, археология, специальные исторические дисциплины, языкознание и пр.

При заключении 1 января 1731 г. первого контракта с Г. Ф. Миллером как профессором «гистории» оговаривалось общее для всех по истечении договорного срока право «без всякой оговорки» покинуть Россию⁴. Иное было в 1747 г., когда по истечении срока контракта перед ученым был поставлен выбор — покинуть Россию без возможности вывоза накопленных к тому времени коллекций документальных материалов либо заключить новое соглашение и даже с преференциями, но с неременным условием принятия вечного русского подданства. Мотивировалось это тем, что для сочинения российской истории и географии необходим доступ к знанию о «внутреннем состоянии» Российской империи, т. е. в современных понятиях речь шла о доступе к информации секретного характера, и «того ради подлежит к сему делу употребить природного российского и верноподданного человека»⁵. К тому времени у самого Миллера, преимущественно трудившегося «в таких науках, которые особливо токмо России в пользу» и «по долговременной здешней службе» давно привыкшего «к здешним обрядам», не было намерения покинуть Российскую империю и службу в Академии. Однако выдвинутые два кабальных условия — подписать обязательства, чтоб ему никогда не только из государства Российского не выезжать «по смерть свою», но и «академической службы не покинуть»⁶, — вызвали у него протест. Он справедливо недоумевал — как он может соглашаться на вечную службу в Академии наук, если это не в его воле, а зависит от «всемиловейшего Ея И. В. повеления». И если бы он принял такое беспрецедентное условие, то стал бы среди ученых людей первым во всем свете, «а ученым людям хотя один вид вольности потребен»⁷. Ситуация складывалась безвыходная, и потому, получив гарантии, что речь идет не о полной натурализации, и после смерти его дети и жена будут вольны покинуть Россию, он 20 ноября 1747 г. подписал контракт о принятии должности российского историографа и по должности быть «верноподданным и присяжным рабом Ея Императорскаго Величества»⁸.

Превращению приглашенных специалистов в русских ученых и укоренению на новой родине способствовало заведение ими здесь семьи. Ученые иностранцы первого петровского призыва, те из них, кто связал свою жизнь с Россией, как правило, подбирали себе жен из среды иноземцев, что объяснимо многими очевидными обстоятельствами. Так поступил Л. Эйлер во время первого периода работы в Санкт-Петербурге, женившись в 1733 г. на дочери академического живописца Георга Гзеля — Катарине. В семье Эйлера родились 13 детей; выжили 3 сына и 2 дочери⁹. Г. Ф. Миллер по возвращении из десятилетнего Сибирского путешествия (в составе 2-й Камчатской экспедиции) женился на Христине Христофоровне Нетцер. В браке были рождены 7 сыновей и 7 дочерей, из которых отца пережили двое сыновей, Яков и Карл. Один из них служил в чине майора в Киевском пехотном полку, другой в чине коллежского асессора прокурором Верхнего земского суда Рязанского наместничества, т. е. по Табели о рангах они оба занимали восьмой класс. В печати как-то мелькало

сообщение, что потомки Миллера и поныне проживают в России — в Москве, однако достоверные подтверждения этому мне не попадались.

Логично было бы полагать, что именно те из иностранцев, приехавших в Россию, которые здесь завершили свое земное существование, и являются по определению россиянами. В ряде случаев это верно, но смерть в России как критерий «русскости» не представляется корректной. Например, профессор химии Михаил Бюргер, прибывший вместе с женой 13 марта 1726 г. в Санкт-Петербург, 22 июня того же года, возвращаясь из гостей от президента Академии наук Л. Л. Блюментроста, выпал из кибитки и разбился насмерть. (Такая краткосрочность его пребывания в России не помешала в Википедии назвать его прусско-российским ученым.) В том же году профессор механики Николай Бернулли умер после восьмимесячного пребывания в российской столице от воспаления легких. Этот мартиролог может быть пополнен еще несколькими фамилиями членов Академии наук (Хр. Гольдбах, Й. К. Хеннингер, Т. З. Байер, Л. Делиль де ла Кроейер, Й. Г. Лейтман, Хр. Ф. Гросс, Ф. Х. Майер, Й. А. Крамер).

Значимым индикатором является отношение того или иного ученого к России. Кстати, многие из их числа, движимые миссией познавательного просветительства, действительно испытывали добрые патриотические чувства. О Миллере говорить не приходится; его эмоциональные слова верности и благодарности своей новой родине содержатся в нескольких документах. О нем как о горячем патриоте в отношении достоинства России писал А. Л. Шлецер. Ярким примером из области социальной («этнической») психологии, примером быстрой адаптации могут служить слова Хр. Гольдбаха, произнесенные им 17 февраля 1735 г. в академическом собрании. Предлагая план написания истории Академии наук, он говорил о необходимости предварительного изучения состояния науки в России при Петре I в предшествующий период, и «пусть *иностранцы* поймут, что русский народ не был вовсе неученым, в особенности в век, в который мы живем, как это обычно думали *в отдаленных от нас странах*»¹⁰. Не прошло и десяти лет, как Гольдбах оказался в России, а он уже воспринимает себя неотделимым от этой страны, а то, что находилось за ее пределами, — как иностранное. Кстати, щедро наделенный талантами и знаниями Гольдбах оказался востребован не только в Академии, но и в ведомстве иностранных дел и, очевидно, он единственный из числа академиков той поры дослужился до третьего класса — чина тайного советника, хотя не ясно — принимал ли он русское подданство. Но и среди тех, кто по истечении контракта покидал Российскую империю, многие сохраняли доброе отношение к ней. Например, Г. Б. Бюльфингер, по словам Г. Ф. Миллера, после отъезда из Санкт-Петербурга в 1731 г. «всегда оставался большим патриотом России».

Совершенно очевидно, что среди названных и других компонентов важнейшим, если не решающим, является саморефлексия, самоидентификация, поскольку «этнические» чувства являются феноменом сознания.

Решению проблемы национальной идентичности членов Академии наук первых лет существования крайне мешает застойный миф о немецком засилье. Этого по определению не могло быть, поскольку Германского государства и единой германской нации тогда не существовало. Ни один специалист, приезжавший из Европы, из германских государств, не именовался немцем. На этот счет есть немало документальных свидетельств. К примеру, Г. Ф. Миллер в первой в литературе монографии об истории Императорской Академии наук, написанной в 1775–1783 гг., следующим образом характеризовал приезжавших Санкт-Петербург в 1725–1727 гг. ученых: профессор естественной истории Христиан Мартини из *Бреслау* (Австрия); профессор церковной истории и красноречия Йохан Петер Коль из *Киля* (Голштиния); профессор математики Якоб Герман из *Базеля* (Швейцария); профессор философии Георг Бернхард Бюльфингер из *Вюртемберга* (Швабское герцогство); первый конференц-секретарь и историограф АН Христиан Гольдбах — уроженец *Кенигсберга* (Пруссия); профессор «учтивости и приятного обхождения» Йоханн Конрад Хеннингер, уроженец *Страсбурга* (Франция); профессор механики Николай Бернулли из *Базеля* (Швейцария); профессор физиологии Даниель Бернулли из *Базеля* (Швейцария); профессор анатомии Йоганн Георг Дювернуа — уроженец *Мюмпельгарда* (Монбельяр, франкоязычное княжество в составе Священной Римской империи); профессор греческих и римских древностей Теофил Зигфрид Байер — из *Кенигсберга* (Пруссия); профессор астрономии Жозеф Николай Делиль из *Парижа*; профессор астрономии Людвиг Делиль де ла Кроейер из *Парижа*; профессор химии Михаил Бюргер из *Курляндии*; профессор правоведения Йоханн Симон Бекенштейн из *Данцига* (Польша); профессор механики и оптики Йоханн Георг Лейтманн из *Виттенберга* (Саксония); ботаник Йоханн Христиан Буксбаум из *Мерзебурга* (Саксония); академик на кафедре нравоучительной философии Христиан Фридрих Гросс из *Вюртемберга* (Швабское герцогство); профессор математики Фридрих Христоф Майер из *Вюртемберга*; адъюнкт Йоханн Адольф Крамер из *Херфорда* (Вестфалия); профессор химии и истории натуральной Йоганн Георг Гмелин из *Тюбингена* (Вюртембергское герцогство)¹¹ и т. д.

В завершение настоящего обзора немного о «национальности» первого президента Академии наук уроженца Москвы Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста. Его отец Лаврентий Алферьевич Блюментрост (1619, Мюльхаузен, Тюрингия — 1705, Москва), доктор медицины (1648 г.), приехал в 1668 г. в Москву, стал привилегированным лейб-медиком царя Алексея Михайловича и был в России ведущим медиком допетровской эпохи. Прожив в России почти сорок лет, он сильно обрусел, сохраняя лютеранское вероисповедание. Его четверо сыновей продолжили дело отца, а двое из них родились в Москве. Это были Иван Лаврентьевич (1676–1756, Санкт-Петербург) и Лаврентий Лаврентьевич (1692–1755, Санкт-Петербург) — доктора медицины, выдающиеся государственные деятели, сподвижники Петра Великого. Казалось бы, доказывать

их «русскость» нет никакой необходимости. Однако в современных отечественных кинокартинах и телефильмах, посвященных событиям XVIII столетия, кинематографический и почти карикатурный придворный врач «Лаврентий Блюментрост» с трудом выговаривает слова на ломаном русском языке и это при том, что императрица Екатерина I (так же как Екатерина II в других фильмах) говорит как урожденная москвичка¹². Впрочем, что спрашивать с кинематографистов, экономящих на консультантах — профессиональных историках, когда даже такой выдающийся знаток, каким был ученый-эрудит и полиглот Б. А. Старостин, назвал Л. Л. Блюментроста «еще одним немцем», оказывавшим содействие Петру I в открытии Академии наук¹³.

Как видно, так называемый «национальный вопрос» применительно к работникам Академии наук настолько непросто в решении, что возникает сомнение, а имеет ли смысл историку как бы брать на себя роль доморощенного советского работника отдела кадров, заполняющего в формуляре личного листка пятую графу — «национальность»? Стоит ли погружаться в хитросплетения национальной идентичности, искать соответствующие пути и критерии? Это материя тонкая, с трудом поддающаяся верификации, она перегружена мифами, зловредными антинаучными конструктами и просто бреднями. Однако делать это безусловно необходимо, поскольку задача истории как науки и историка как профессионального ученого состоит в реальной, рациональной реконструкции прошлого, в преодолении всяческих мифов и заблуждений. Наконец, просто обыкновенная человеческая справедливость требует сохранять благодарную память о тех, кто, исполняя миссию просветительства, приезжая в Россию, творил здесь научное знание, обогащая и развивая ее культуру. Приближающееся 300-летие Российской академии наук — уместный повод для постановки вопроса о необходимости разобраться во всем многообразии и полноте «этногенеза» русской научности, вобравшей в себя за истекшие три столетия бесконечное число иновливаний. Такое изучение возможно только на основе системного эволюционно-исторического изучения, на базе осмысленного конструктивизма, а никак не на парадигме примордиализма.

¹ См. подробнее: Академик Г. Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подготовка текста, статья С. С. Илизарова. М., 1996; Г. Ф. Миллер и русская культура / Отв. ред. Д. Дальман, Г. И. Смагина. СПб., 2007; *Илизаров С. С.* Московский акцент. Г. Ф. Миллер и Москва XVIII века. М., 2021; *Миллер Г. Ф.* 1) Избранные труды / Сост., статья, примечания С. С. Илизарова. М., 2006; 2) Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М., 2009; 3) Сочинения по истории России. Избранное / Сост., ст. А. Б. Каменского. М., 1996; *Hoffmann P. G. F. Müller: Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands.* Frankfurt a./Mein, 2005; и др.

² *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977.

- ³ Данное положение было отчетливо сформулировано в проекте регламента Академии наук, подготовленном в 1725 г. (правящей императрицей Екатериной I не был утвержден): «Что же к языку принадлежит, которым всяк свои умствования изъявляти имеет, понеже удобь предусматриваем, что разных наций люди в собраниях присутствовать будут, вся та, яже каждый о своей науке мудрования на среду принесет, *латинским языком предлагатися* имеют; *ибо сей наипаче ученым свойственный и употребительный язык бывати обыче*» (Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. (1716–1730). СПб., 1885. С. 310. Курсив мой. — С. И.).
- ⁴ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. (1731–1735). СПб., 1886. С. 4.
- ⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8. (1746–1747). СПб., 1895. С. 595.
- ⁶ Там же. С. 588.
- ⁷ Там же. С. 589. Г. Ф. Миллер стал первым, но не единственным принявшим русское подданство. В том же 1747 г. так же поступил историк Иоганн Эбергард Фишер, тремя годами позже — профессор юриспруденции Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон и т.п.
- ⁸ Там же. С. 608. Как отмечал С. В. Бахрушин — один из лучших знатоков наследия Г. Ф. Миллера, «его принудили принять русское подданство, но этим унижительным отречением от родины он не купил себе спокойствия. В следующем году, уличенный в “подозрительных поступках” политического свойства, он подвергся серьезным репрессиям и был переведен с должности профессора на должность адъюнкта». См.: *Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири* // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 18.
- ⁹ Известно, что все дети Эйлера, который сам неизменно сохранял швейцарское подданство, приняли русское подданство. В результате проведенных изысканий удалось установить более тысячи прямых потомков Леонарда Эйлера, в их числе много ученых, инженеров, дипломатов, врачей, военачальников и др. См.: *Геккер И. Р., Эйлер А. А. Семья и потомки Леонарда Эйлера* // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М., 1988. С. 468–497.
- ¹⁰ *Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х. Христиан Гольдбах. 1690–1764*. М., 1983. С. 207. Курсив мой. — С. И.
- ¹¹ *Миллер Г. Ф. Избранные труды*. С. 497–531. Аналогичная информация содержится также в делопроизводственной документации. См.: Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 8. С. 196–199, 206–207, 212 и далее.
- ¹² По свидетельству Г. Ф. Миллера, Л. Л. Блюментрост свободно говорил и писал на русском, латинском, немецком и французском языках. См.: *Миллер Г. Ф. Избранные труды*. С. 496.
- ¹³ *Старостин Б. А. Петербургская Академия наук в поисках национальной самоидентификации* // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 279.

References

- Akademik G. F. Miller — perviy issledovatel Moskvy i Moskovskoi provintsii [Academician G. F. Müller. In Russ.] // Podg. teksta, st. S. S. Ilizarova. Moscow, 1996.
- BAKHRUSHIN S. V. *G. F. Miller kak istorik Sibiri* [G. F. Müller as a historian of Siberia. In Russ.] // Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [G. F. Müller. The history of Siberia]. Moscow; Leningrad, 1937. P. 3–55.
- G. F. Miller i russkaya kultura [G. F. Müller and Russian culture. In Russ.] / Otv. red. D. Dalman, G. I. Smagina. St. Petersburg, 2007.
- GEKKER I. R., EILER A. A. *Semya i potomki Leonarda Eilera* [Leonhard Euler's family and descendants. In Russ.] // *Razvitie idei Leonarda Eilera i sovremennaya nauka* [The development of Leonhard Euler's ideas and modern science]. Moscow, 1988. P. 468–497.

- ILIZAROV S. S. Moskovskii aktsent. G. F. Miller i Moskva XVIII veka [A Moscow accent. G. F. Müller and 18th century Moscow. In Russ.]. Moscow, 2021.
- MILLER G. F. Izbrannye trudy [Selected works. In Russ.] / Sost., st., primech. S. S. Ilizarova. Moscow, 2006.
- MILLER G. F. Opisanie sibirskikh narodov [A description of Siberian peoples. In Russ.] / Izd. A. Kh. Elert, V. Khintsshe. Moscow, 2009.
- MILLER G. F. Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe [Selected works on the history of Russia. In Russ.] / Sost., st. A. B. Kamenskogo. Moscow, 1996.
- HOFFMANN P. G. F. Müller: Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt a./Main, 2005.
- KOPELEVICH Yu. Kh. Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk [Founding of the Petersburg Academy of Sciences. In Russ.]. Leningrad, 1977.
- Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. T. 1. (1716–1730). St. Petersburg, 1885.
- Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. T. 2. (1731–1735). St. Petersburg, 1886.
- Materialy dlya istorii Imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. In Russ.]. T. 8. (1746–1747). St. Petersburg, 1895.
- STAROSTIN B. A. *Peterburgskaya Akademiya nauk v poiskakh natsionalnoi samoidentifikatsii* [Petersburg Academy of Sciences in search of national self-identification. In Russ.] // Rossiiskaya akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii. [Russian Academy of Sciences: 275 years of serving Russia]. Moscow, 1999. P. 259–321.
- YUSHKEVICH A. P., KOPELEVICH Yu. Kh. Khristian Goldbakh. 1690–1764 [Christian Goldbach. 1690–1764. In Russ.]. Moscow, 1983.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. С. Илизаров. Превращение иностранных специалистов Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в русских ученых // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 199–209

Аннотация: После долгих лет размышлений и подготовительных мероприятий Петр Великий на исходе своей жизни принял решение об учреждении в Российской империи Академии наук. Поскольку в стране практически не было людей, отвечающих по своей профессиональной подготовке и компетенциям критериям, соответствующим понятию «европейский ученый», то по заданию императора в разных странах Европы в 1720-е гг. производился поиск и подбор необходимых специалистов. В статье рассмотрены сложные вопросы определения национальной принадлежности тех иностранных специалистов, которые приезжали в Россию служить по контракту в Императорской Академии наук и оставались там навсегда. Поскольку в XVIII столетии понятие «национальность» как категория этническая только формировалось, то главная демаркация между «своими» и «чужими» проходила через понятие «подданство»: россияне / русские и все остальные — иностранцы, иноземцы. Внутри империи подданные маркировались по конфессиональной принадлежности. Поэтому в современной литературе существует неопределенность и разноречивость в определении национальности, точнее культурной идентичности этих людей. Рассматриваются маркеры, которые с определенной долей условности позволяют иностранцев — сотрудников Академии наук, оставшихся в России, относить к категории «русские ученые». Это понятия — подданство, знание русского языка, дисциплинарная область профессиональной деятельности, наличие семьи в России, смерть в России как критерий «русскости», отношение к России («патриотические чувства»). В статье показана на конкретных примерах (Г. Ф. Миллер, Л. Эйлер и др.) недостаточность названных критериев, и то, что главнейшим аргументом является самоидентификация, поскольку «этнические» чувства являются феноменом сознания личности. Кроме этого, рассмотрен миф о немецком засилье в русской науке как не имеющий никаких формальных и содержательных на то оснований.

Ключевые слова: наука, ученые, Академия наук, национальность, подданство, русские, иностранцы, Г. Ф. Миллер, Л. Л. Блюментрост, Л. Эйлер.

FOR CITATION

S. S. Ilizarov. The transformation of foreign specialists of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg into Russian scientists // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 199–209

Abstract: In the waning years of his life, after many years of pondering and preparations, Peter the Great came up with a decision to establish an Academy of Sciences in the Russian Empire. As the people whose professional training and competences met the 'European scientist' criteria were lacking in the country, necessary specialists were searched for and selected across Europe on the Emperor's order in the 1720s. The article considers the complicated issues of nationality of the foreign specialists who came to Russia to serve under the contract at the Imperial Academy of Sciences and stayed for good. In the 18th century the notion of 'nationality' as an ethnic category was only taking shape and the main demarcation line between 'us' and 'them' was through 'citizenship,' i.e. being a subject of the Russian Empire: the Russians and the rest (foreigners, outlanders). In the Empire, the subjects were differentiated based on their religion. Therefore, in modern literature, there's uncertainty and inconsistency in the definition of nationality, or more accurately cultural identity. The article analyses the markers that, with a degree of conditionality, allow to categorise foreign staff of the Academy of Sciences who stayed in Russia as 'Russian scientists'. These markers are being a subject of the Russian Empire, knowledge of Russian language, the disciplinary sphere of professional activities, having a family in Russia, dying in Russia as a criterion of being Russian, and the attitude to Russia ('patriotic feelings'). Drawing on the concrete examples (Gerhard Friedrich Müller, Leonhard Euler, and others), it is shown that these criteria are insufficient and the most important argument is self-identification, since 'ethnic' feelings are a product of the person's consciousness. In addition, the myth of German dominance in Russian science is analysed and deemed absolutely ungrounded, both formally and substantially.

Key words: science, scientists, Academy, nationality, citizenship, Russians, foreigners, Gerhard Friedrich (Fyodor Ivanovich) Müller, Laurentius (Lavrentii Lavrentievich) Blumentrost, Leonhard Euler.

Автор: **Илизаров, Симон Семенович** — д. и. н., проф., главный научный сотрудник, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН).

Author: **Ilizarov, Simon Semyonovich** — Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Researcher, Head of the Department of Historiography and Source Studies of the History of Science and Technology. S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0002-1502-2179